

Усыновление (удочерение) в конце 70-х гг. XX века

Фабричная Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права;

Шафиуллина Эльмира Алиевна, аспирант
Нижегородский филиал Университета Российской Академии образования

В данной статье анализируется семейное законодательство советского периода конца 70-х гг. XX в. Особое внимание уделено спорным правовым вопросам усыновления детей.

Ключевые слова: право, закон, семья, брак, дети, родители, усыновление, усыновитель, усыновленный.

Институт усыновления представляет собой один из самых древних правовых институтов. Исторически усыновление являлось обязательным компонентом семейного права России и всегда выступало приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В различные исторические эпохи процедура усыновления имела свои специфические черты, присущие каждому периоду. Остановимся более подробно на советском периоде отечественной истории конца 70-х гг. XX в.

7 сентября 1979 г. в Москве проходила Всемирная конференция «За мирное и счастливое будущее для всех детей», на которой президент Международного подготовительного комитета Фрида Браун обращала внимание на то, что в современном мире военные конфликты то и дело вспыхивают в различных точках нашей планеты, в 1915 г. произошло 100 войн, американская агрессия во Вьетнаме сделала сиротами 900 тыс. вьетнамских детей 72. В Никарагуа, по словам министра социального обеспечения страны, насчитывалось 40 тысяч сирот. Ребенок терял семью и по другим причинам. Вот почему на конференции делегаты разных стран, в том числе многих развивающихся государств, говорили о необходимости охраны интересов детей-сирот, создании государственной системы заботы о детях, лишенных почему-либо родительского попечения. [6, с. 9]

Социальные средства защиты детей, оставшихся без семьи *de facto* или *de jure* либо в неполной семье, на наш взгляд, всегда зависели и зависят от государственного строя, целей воспитания, экономических, идеологических его предпосылок, особенностей законодательства, посвященного специально детям.

Решение проблемы защиты ребенка в нашей стране всецело было подчинено принципу: «Все лучшее детям». Реальным проявлением государственной заботы о детях служило постоянно расширяющаяся сеть детских воспитательных учреждений. Другая разновидность охраны интересов несовершеннолетних, оставшихся без семьи, было их устройство на полное государственное обеспечение в дом ребенка, детский дом либо в другую семью.

Если не было лиц, желающих заменить родителей, единственный выход из положения - передача ребенка в одно из названных государственных детских учреждений. [11] Иное дело, когда кто-то претендовал на его воспитание. Тогда, как правило, предпочтение отдавали новой семье, особенно если предстояло решить судьбу маленького ребенка, который испытывал особую потребность в семейном тепле и уходе. Было и по-другому, когда в семью передавали воспитанника детского учреждения, что в полной мере соответствовало его интересам. Замечали, что в первые месяцы своего пребывания в новой семье

усыновленные из детского учреждения удивительно быстро развивались. Одновременно с формированием чувства уверенности, с развитием межличностных отношений значительно улучшалась их речь, расширялся кругозор.

Устройство в семью осуществлялось с помощью закона, предусматривающего усыновление, опеку (попечительство), основное назначение которого было в улучшении, коренном изменении в лучшую сторону условий семейного воспитания детей, проживающих в неблагополучной семье, передаче несовершеннолетнего в новую семью в случае утраты кровной. Когда же преследовалась иная цель, например обеспечение его жилой площадью, передача ему как наследнику материальных благ и ценностей, правовые нормы, посвященные усыновлению, опеке (попечительству), нельзя было использовать [4, с. 23].

В конце 70-х гг. XX века чаще всего дети усыновлялись супругом матери, если она вступала в повторный брак или раньше в браке не состояла. В результате такого усыновления ребенок по-прежнему оставался в своей семье.

К более редким событиям относилось усыновление воспитанника дома ребенка, детского дома, поскольку круглое сиротство встречалось тогда редко.

Когда усыновителями становились оба супруга либо не состоящая в браке женщина, несовершеннолетний вновь обретал семью, родителей.

Существовала еще одна разновидность усыновления — родственниками, которые в силу разных обстоятельств хотели стать законными воспитателями, например, внуков, племянников, даже если они имели родителей. Чаще всего претендовали на роль усыновителей дедушки и бабушки. Закон не противодействовал изменению их семейно-правового статуса, если столь близкие ребенку лица действительно заменяли отца или мать, которых несовершеннолетний не помнил, не знал. В этих случаях фактические отношения по воспитанию находили свое правовое оформление, что явно в интересах детей. Иное дело, когда последние знали родителей, им было известно, кто мать, бабушка, отец, дедушка. Использование в подобных случаях правовых норм об усыновлении, как правило, было не в интересах ребенка [5, с.102].

При любом усыновлении между усыновителем и усыновленным возникали правовые отношения, тождественные отношениям между кровными родителями и детьми. Мало того, усыновленные и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным и их потомству полностью приравнивались в личных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению. Соответственно усыновленные дети

утрачивали личные и имущественные права и освобождались от обязанности по отношению к своим родителям и их родственникам. Таково было общее правило, составляющее правовую суть усыновления. Однако это правило имело два весьма важных исключения.

Согласно ч. 4 ст. 108 семейного кодекса РСФСР, «если один из родителей умер, то по просьбе родителей умершего (деда и бабушки ребенка) могут быть сохранены права и обязанности в отношении родственников умершего родителя, если против этого не возражает усыновитель». А ст. 109 КоБС РСФСР говорила о возможности сохранить после усыновления право несовершеннолетнего на получение пенсии или пособия, причитающегося ему по случаю потери кормильца, от государственных или общественных организаций [7, с.154].

При усыновлении ребенка посторонними лицами передача его в семью будущих усыновителей до вынесения решения об усыновлении, как правило, не допускалась. Иное дело, когда детей брали к себе родственники. Они могли готовить документы по усыновлению и в период совместного проживания со своим воспитанником.

Коренные перемены в правоотношениях членов семьи, порождаемые усыновлением, объясняли существование довольно строгих правил относительно усыновления как такового; наличие законодательного перечня лиц, имеющих право на усыновление; включение в текст закона условий усыновления.

Часть 1 ст. 24 гласила: «Усыновление допускается только в отношении несовершеннолетних детей и в их интересах». Следовательно, ни при каких обстоятельствах достигшие совершеннолетия лица усыновлению не подлежали. Что же касается интересов детей, то, как известно, они заключались в надлежащих условиях семейного воспитания. Именно поэтому разрешению вопроса об усыновлении по существу исполкомом районного (городского) Совета народных депутатов предшествовала тщательная подготовительная работа.

Даже тогда, когда усыновителем хотел стать, например, отчим, выяснялось, не будет ли правовое оформление отношений по воспитанию противоречить интересам усыновляемого. И, по нашему мнению, нет ничего удивительного в том, что в отдельных случаях члены семьи ребенка получали вполне правомерный отказ в усыновлении.

Закон давал перечень лиц, которые вообще не могут стать усыновителями. Сюда входили несовершеннолетние, лишённые родительских прав, признанные в установленном законом порядке недееспособными или ограниченно дееспособными (ст. 99 семейного кодекса РСФСР). Республиканские КоБС несколько варьировали подобный список, но в принципе он везде был одинаков, так как служил единой цели: поставить на пути заведомо негодного усыновления правовую преграду, чтобы исключить возможность нарушения прав ребенка [6, с. 120].

Для усыновления необходимо было получить согласие:

- родителей усыновляемого;
- усыновляемого, достигшего 10-летнего возраста;
- супруга усыновителя.

Прекращение правовой связи ребенка с кровной семьёй после усыновления меняло правовое положение не только несовершеннолетнего, но и его родителей, затрагивало их интересы, права. Поэтому первым условием усыновления закон называл согласие родителей

ребенка. Само собой разумеется, если отец, мать были лишены родительских прав, признаны в установленном законом порядке недееспособными или безвестно отсутствующими, заручаться их согласием не было никакой необходимости.

Поскольку согласие родителей на усыновление занимало особо важное место в перечне условий усыновления, его выражали в письменной форме. Мало того, подпись родителя, выражающего свое согласие на усыновление, непременно удостоверялась печатью.

Обычно мать или отец знали будущего усыновителя. Но закон разрешал выражать согласие на усыновление вообще, не называя имени человека, который хотел приобрести родительские права и обязанности. Чаще всего эту возможность использовали одинокие женщины в стенах родильного дома сразу после появления на свет сына или дочери. Тогда приемного родителя выбирали из числа желающих стать усыновителем новорожденного. Сюда входили матери, потерявшие своего ребенка при родах, бездетные женщины, имитирующие беременность, чтобы выйти из родильного дома на руках со «своим» сыном или дочкой. Таким усыновительницам закон позволял получать послеродовой декретный отпуск, использовать все льготы, предоставляемые женщине-матери в СССР.

Согласие родителей на усыновление ребенка при всей его правовой значимости не относился к безусловным правилам.

В соответствии со ст. 101 семейного кодекса РСФСР, когда родители уклонялись от участия в воспитании ребенка, усыновление в виде исключения могло быть произведено без их согласия, если:

- будет установлено, что они более года не проживали совместно с ребенком и, несмотря на предупреждение органов опеки и попечительства, не принимали участие в его воспитании или содержании и не проявляли в отношении ребенка родительского внимания и заботы [3].

Таким образом, невозможно было усыновление без согласия отца, который если и жил отдельно, но все равно проявлял интерес к своим детям, их воспитанию, содержанию, всему тому, что составляла жизнь ребенка. Бережное отношение к родительским правам добросовестного человека связано не только с потребностью оберегать его права, но и с необходимостью соблюдать интересы несовершеннолетнего. Нет сомнения, что прекращение взаимоотношений любящего, заботливого отца с сыном или дочерью способно нанести непоправимый и неизмеримый вред их воспитанию. Столь очевидную истину не может поколебать благородство намерений усыновителя, искренность его чувств к ребенку.

Усыновление без согласия родителя допускалось, если имело место одно из двух обстоятельств: неучастие в воспитании либо содержании детей. Однако и в этих случаях усыновление было возможно только после того, как родитель не изменил своего отношения к детям, несмотря на предупреждение органов опеки и попечительства о предстоящем усыновлении.

Чтобы усыновление действительно соответствовало интересам несовершеннолетнего, важно было иметь полное представление по всем вопросам, связанным с ликвидацией родительских правоотношений. Вот почему необходимо было знать, какой будет реакция на это предупреждение. Если не отвечал родитель совсем - картина ясна. Отзывал-

ся, приводил серьезные доводы, объясняющие причину его поведения, - прямой смысл дать им оценку с точки зрения соблюдения интересов усыновляемого[1] Правда, чаще всего уведомление о предстоящих переменах было явно запоздалым актом. Иногда проходили годы после ухода отца из семьи, когда восстановить утраченные связи практически не было возможным и просто бессмысленным. И здесь органы опеки и попечительства при подготовке усыновления без особого труда обнаруживали намерения человека, который числился отцом.

Возникновение после усыновления правоотношений не только с ребенком, усыновителями, но и их родственниками вызывала необходимость в получении согласия на усыновление супруги усыновителя, если он состоял в браке. Существование этого условия, на наш взгляд, понятно: после усыновления возрастало число наследников, расширялся круг лиц, имеющих право па пенсию, различного рода пособия в случае гибели кормильца. Но данное правило тоже имело исключение.[2] Согласие супруга на усыновление не требовалось, если этот супруг был признан в установленном законом порядке недееспособным, а так же если супруги прекращали семейные отношения, не проживали совместно более года и местожительство другого супруга не было известно.

Поскольку усыновленные приравнивались к кровным детям, закон разрешал вносить соответствующие изменения в свидетельство об их рождении. По просьбе усыновителя несовершеннолетнему можно было изменить имя, присвоить фамилию нового отца (матери), отчество по его имени. Правда, все это допускалось лишь при согласии детей, достигших десятилетнего возраста. В отдельных случаях, когда было желание сохранить уважаемую и всем известную фамилию родного отца, его отчество, имеющуюся запись в свидетельстве о рождении оставляли без изменения. После усыновления опять-таки по просьбе усыновителей и с согласия достигшего десяти лет ребенка в свидетельстве о его рождении вновь приобретенных воспитателей либо записывали в качестве родителей, либо называли их усыновителями.

Полное прекращение после усыновления правовой связи с родителями, родственниками, тесная, органическая связь усыновления с интересами несовершеннолетнего означала, что сам по себе акт усыновления в принципе

непоколебим. Но в силу разных, довольно сложных причин как субъективного, так и объективного порядка иногда считалось, что сохранение усыновления нецелесообразно. Удостовериться в этом мог только суд. Судебный порядок отмены любого усыновления служил правовой гарантией охраны прав несовершеннолетнего, когда возникала проблема отмены усыновления. Чаще всего она появлялась вследствие двух причин: расторжения брака усыновителя с матерью ребенка, обнаружения у усыновленного тяжело душевного заболевания.

Развод как таковой не влек изменений правоотношений с ребенком. Но если после заключения брака с его матерью усыновитель почему-либо не становился воспитателем, не заменял отца, обычно усыновление отменялось. То же самое можно сказать о случаях, когда воспитание в семье усыновителей было невозможно вследствие обнаружения симптомов, свидетельствующих о душевной болезни ребенка.

Завершая статью, акцентируем внимание на нескольких моментах.

Во-первых. Всякий раз передаче детей в новую семью предшествовало самое тщательное обследование состояния их физического и душевного здоровья, что не исключало возможности обнаружения спустя многие годы, особенно в пору полового созревания подростка, резко выраженных аномалий развития, исключающих возможность воспитания в семье.

Во-вторых. Иногда возникала ситуация, когда при всей своей добросовестности усыновитель по не зависящим от него причинам был не в состоянии выполнять свою миссию.

Безусловно, в подобных случаях институт усыновления не отвечал своему назначению. Поэтому суд при наличии соответствующего медицинского заключения выносил решение об отмене усыновления.

В-третьих. В результате отмены усыновления восстанавливались существовавшие прежде взаимные права и обязанности между ребенком и его родителями и родственниками по происхождению.

Мы разделяем позиции ученых, считающих, что закон позволял суду обязать бывшего усыновителя выплачивать средства па содержание несовершеннолетнего.

Литература:

1. Инструкция о порядке приема детей в дом ребенка и выписке из него. Утверждена приказом Министерства здравоохранения СССР от 19 января 1976 г. № 52. // СПС «Консультант-плюс».
2. Инструкция о порядке передачи детей и подростков на усыновление, под опеку (попечительство) и их медицинском обеспечении. Утверждена приказом Министерства здравоохранения СССР и Министерства просвещения СССР от 28 сентября 1977 г. № 885/131. // СПС «Консультант-плюс».
3. КоБС РСФСР 1969 г. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1971. № 9.
4. Нечаева А.М. Правовые проблемы усыновления // Советское государство и право. 1986. № 7.
5. Нечаева А.М. Семейное право, М.: Юрист, 2002.
6. Нечаева А.Н. Правовая охрана детства в СССР. Под ред. Мозолина В.П. М., «Наука» 1987.
7. Нечаева А.Н. Семья и закон. Правовое регулирование неимущественных отношений. М., Издательство «Наука», 1980.
8. Нечаева А.Охрана материнства и детства в СССР. М., Московский рабочий, 1988.
9. О порядке предоставления дополнительного отпуска без сохранения заработной платы женщинам, имеющим грудных детей, до достижения ребенком возраста одного года. Разъяснение Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Секретариата ВЦСПС от 30 марта 1970. № 4/11 // Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы 1970. № 6.
10. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. М., 1968.
11. Положение о доме ребенка. Утверждена приказом Министерства здравоохранения СССР от 19 января 1976 г. № 52. // СПС «Консультант-плюс».